Михайловская, Л.Л. Тевтонский орден в европейских политических отношениях (XIV – первая четверть XVI в.) / Л.Л. Михайловская // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 9-28.

Л. Л. Михайловская

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН В ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (XIV — первая четверть XVI в.)

Показана проблема взаимодействия теократического государства Тевтонского ордена и светских политических структур Восточной и Центральной Европы — Польши, Великого княжества Литовского, Чехии, Венгрии, Московского государства и Священной Римской империи. Исходной позицией автора является характеристика Ордена как вассальной по отношению к Священной Римской империи структуры. Хронологическое пространство исследования охватывает XIV — первую четверть XVI в. — от образования орденского государства в Пруссии до его трансформации в светское Прусское герцогство. Главное место занимает освещение политической и военной экспансии крестоносцев в Балтийском регионе, а также дипломатических контактов Ордена и соседних государств. Раскрывается влияние орденского фактора на процесс формирования и развития восточноевропейских монархий.

The article deals with the interaction of the theocratic state of the Teutonic Order and secular political structures in Eastern and Central Europe — Poland, the Grand Duchy of Lithuania, Czechia, Hungary, Moscow State and the Holy Roman Empire. The starting point of the article is the author's description of the Order as a vassal of the Holy Roman Empire. The investigation covers the period from the 14th century till the first quarter of the 16th century — that is from the formation of the Order's State in Prussia till its transformation into a secular duchy of Prussia. The main place in the article takes the description of political and military expansion of the Crusaders in the Baltic region as well as diplomatic contacts of the Order and its neighbor states. The article also reveals the impact of the Order on the formation and development of monarchies in Eastern Europe.

Ключевые слова: Тевтонский орден, крестоносцы, Пруссия, Ливония, Жемайтия, Поморье, уния.

Keywords: Teutonic Knights, Crusaders, Prussia, Livonia, Samogitia, Pomorie, union.

С времени своего основания (1198) Тевтонский орден (Орден Пресвятой Девы Марии Тевтонской) позиционировался как немецкий орден и являлся вассалом Священной Римской империи. В этом статусе он входил в ее политическую структуру, был призван осуществлять ее экспансионистскую идеологию и защищать ее геополитические интересы, целью которых было создание мировой державы и вселенской церкви. Римская империя, возрожденная германскими королями, претендовала на статус «сверхдержавы», призванной обратить в христианство и объединить весь вселенский мир [1, с. 7]. Император (Rex Romanorum), оспаривая папские полномочия, выступал также как глава христианства (Caput Christinitatis).

Концепция религиозно-политического единства Европы утратила смысл уже в XII в., когда западноевропейские государства шли к централизации, а в Восточной Европе сформировались и приняли христианство Великая Моравия, Чехия, Польша, Киевская Русь, сами выступающие в роли миссионеров. С этого времени политика Священной Римской империи сводится к территориальной экспансии и попыткам навязать вассальную зависимость со-

Михайловская Людмила Львовна — доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: mihailovskayall@yandex.ru

седним государствам. Орудием этой политики являлись рыцарские ордена, опиравшиеся на политические связи и материальные ресурсы Империи.

С конца XIII в. после подчинения и колонизации Пруссии и создания на ее территории собственного автономного государства с централизованной системой управления и разветвленной экономической структурой Тевтонский орден активно включился в комбинации европейской политики, военные и дипломатические акции. Его главной целью была дальнейшая экспансия в Балтийском ареале. После инкорпорации ордена меченосцев (1237), перенесения резиденции великого магистра в Прибалтику (в Мариенбург, 1303) и захвата Гданьского Поморья (1309) Тевтонский орден стал играть заметную, а в ряде случаев определяющую роль в европейских политических отношениях, особенно в Центральном и Восточном регионах. По мере укрепления Ордена его роль приобретала все более самостоятельный характер и не всегда совпадала с интересами Империи. В то же время после ослабления Ордена вследствие военных поражений XV — начала XVI в. и развития внутренних деструктивных процессов (распространение реформационных учений, активизация бюргерской оппозиции) Империя фактически лишает его материальной помощи и идеологической поддержки [2, гл. 2].

Основным фактором политического развития Центральной и Восточной Европы в XIV—XV вв. была ликвидация удельной раздробленности и формирование национальных государств, которые шли на смену средневековым структурам, представленным духовно-рыцарскими орденами и Ганзейским союзом. Европа стояла «на пороге Нового времени», и возникающие монархии, определяя свои границы и международный правовой статус, неизбежно должны были столкнуться с геополитическими интересами Ордена. Поэтому вполне закономерно, что военные и политические конфликты между Польшей, Великим княжеством Литовским (далее ВКЛ. — *Л. М.*), Москвой, Чехией, Венгрией и Священной Римской империей, а зачастую и внутренние процессы в этих государствах замыкались на Ордене. Как самостоятельная политическая сила Орден принимал участие во всех важнейших европейских событиях, осуществляя религиозное, военно-политическое давление или дипломатический нажим на развитие соседних держав.

Из всех рыцарских объединений Тевонский орден являлся самой мощной структурой как в военно-политическом, так и в экономическом отношении. Тесные династические и политические связи с Империей, широкие привилегии и покровительство Ватикана создавали благоприятные условия для его развития и позволяли после провала крестовых походов в Палестине проводить активную наступательную политику в Балтийском регионе. Поставленное в зависимость от императоров папство содействовало распространению христианской миссии на восток от Эльбы. Испытанным средством христианизации были крестовые походы [3]. В результате «вендских» походов (1147, 1160), были завоеваны земли бодричей и лютичей. На месте славянского Бранибора было образовано Бранденбургское маркграфство (1157), сыгравшее заметную роль в истории Центральной Европы. В результате этих походов был открыт путь для крестоносной экспансии и миграции на Восток.

Созданию прочного фундамента орденского государства в значительной степени способствовала деятельность Германа фон Зальца — непревзойденного дипломата, изощренного политика и выдающегося воина (великий магистр 1209—1239). Орденские хроники повествуют о нем в исключительно апологетичном стиле, а Петр Дусбург приписывает ему готовность пожертвовать собственным глазом ради процветания Ордена [4, с. 15—16]. Именно при нем Орден получил самые большие за всю свою историю привилегии и крупные владения в Польше, Германии, Венгрии, Ливонии и Пруссии [5, с. 26]. В. Урбан считает, что история Тевтонского ордена на самом деле начинается не Третьим крестовым походом, а избранием великим магистром Германа фон Зальца (1210) [6, с. 17].

С Германом фон Зальца связано переселение тевтонских крестоносцев в Европу. В 1217 г. он вместе с венгерским королем Андреем II отправился в крестовый поход. По его инициа-

тиве Андрей II пригласил тевтонских рыцарей для защиты от половцев. Однако рыцарей не устраивала пассивная роль наемников, защищавших границу. Воюя с половцами, они быстро захватывали новые территории, возводили замки, создавая плацдарм для дальнейших завоеваний. Когда же папа взял земли Ордена под свою защиту, превратив их фактически в свой феод (1222), Андрей II под давлением знати изгнал Орден. К тому же после битвы на Калке (1222) половцы, разгромленные монголами, попросили у Андрея II пристанища, и в услугах рыцарей он больше не нуждался, поскольку рыцари были подобны «мыши в сумке, змее за пазухой» и угрожали не расширить, а сузить границы королевства [6, с. 24].

В 1217 г. папа Гонорий III объявил крестовый поход против прусских язычников, на земли которых претендовал князь Конрад I Мазовецкий. Два крестовых похода (1222 и 1223) польских князей в земли пруссов закончились безрезультатно. В 1226 г. Конрад попросил помощи у тевтонских рыцарей, и их первая партия прибыла в Мазовию. К 1230 г. закончились все переговоры. В состав Тевтонского ордена был инкорпорирован польский рыцарский орден «Братьев рыцарской службы Христу в Пруссии», известный как Добжинский. Соответственно Добжинская земля, которой он владел, перешла тевтонским рыцарям. Кроме того, для выполнения христианской миссии в Пруссии тевтонские братья получили во временное пользование (на 20 лет) обширный плацдарм — Хелминскую и Нешавскую земли, что было закреплено княжеским привилеем 1230 г. («Крушвицкий дар») [7, с. 151—152; 8, с. 82].

Князь Конрад рассчитывал на то, что прусские земли, завоеванные крестоносцами, он присоединит к своему уделу. Но условия мазовецкого князя мало устраивали гроссмейстера Германа фон Зальца. В 1226 г. фон Зальца, «хитрая лиса», добился от императора Фридриха II Штауфена «Золотой буллы», которая предоставляла Ордену автономию и передавала ему в собственность все осуществленные или потенциальные завоевания на землях пруссов. Это была своего рода гарантия дальнейшей свободы действий крестоносцев в Прибалтике [4, с. 17—20; 8, с. 82]. Еще раньше (1221) специальным привилеем Орден был взят под опеку императора и освобожден от всех податей и повинностей. В 1234 г. Орден получил папскую буллу, в которой все завоевания крестоносцев в Пруссии объявлялись «собственностью святого Петра» и передавались Ордену в вечное владение. Соглашаясь на переход в собственность крестоносцев завоеванных прусских земель, Конрад полагал, что за ним останутся верховные права на эти земли. Однако никакого договора об этом заключено не было, чем впоследствии и пользовалась орденская дипломатия [9, с. 34]. Таким образом, попытки мазовецких князей использовать Тевтонский орден как орудие своего продвижения на восток превратили его в троянского коня, силы которого были направлены против самой Польши. По замечанию Э. Лависса, «тот день, когда Конрад Мазовецкий, признавая свое бессилие, призвал тевтонских рыцарей против Пруссии, подготовил падение Польши» [10, с. 30].

Два фактора определяли геополитические приоритеты Ордена в Прибалтике — Поморье и Жемайтия. Вопрос о принадлежности Балтийского поморья присутствует в польской истории в качестве константы. Возникнув в X в. и периодически обостряясь, он сохранял актуальность и в Новейшее время. Никогда не представляющее самостоятельной политической силы, Поморье всегда являлось ключевым объектом интересов соседей — Польши, ВКЛ, Дании, Священной Римской империи и в течение столетий оставалось зоной военных конфликтов. Стратегические интересы Тевтонского ордена также лежали в акватории Балтийского моря, где пересекались многочисленные торговые пути и откуда можно было контролировать Северо-Западный и Центральный регионы Европы.

Балтийское поморье представляло особый исторический и этнический регион, расположенный вдоль южного берега Балтийского моря, который по течению Лабы разделялся на Восточное (Гданьское или Надвислянское) и Западное (Щецин, Волин, Колобжег). В политическом отношении обе части Поморья представляли собой переходную ступень между племенной федерацией и монархией и состояли из отдельных земель. Часть этих земель

управлялась князьями, часть являлась республиками. Власть великого князя всего Поморья была очень ограниченной. Республиканское устройство являлось формой существования и развития городов-республик, таких как Волин, Щецин. Выгодно расположенные на балтийском побережье, имея сильный флот, обустроенные удобными гаванями, портами и торгами, эти города росли и процветали уже с IX в. [11, с. 97—192].

Поморье было заселено этнически родственными полякам племенами. С образованием Великопольского княжества его правители считали регион сферой своего влияния. Неоднократно Поморье входило в состав княжества — при Мешко I (960), основавшем Гданьск, Болеславе Храбром (997), Болеславе III (1123), учредившем Поморское епископство в Волине (1128) [12, с. 319—325, 346—348; 13, с. 36]. Польскому влиянию в Поморье угрожали растущие немецкие марки — Бранденбург, Саксония, Мейсен. При отсутствии сильной княжеской власти в Поморье, в условиях начавшейся раздробленности в Польше Западное Поморье перешло под власть Священной Римской империи и превратилось в вассальное герцогство (1181). Оно быстро подверглось германизации и стало называться Померанией.

Сходной была судьба и Восточного Поморья. В удельный период его принадлежность к Польше была формальной, поскольку инкорпорация не была осуществлена. Там правила собственная династия Собеславичей, боковая ветвь Пястов, последний представитель которой Мстивой II (?—1294) в ходе междоусобной борьбы заключил союз с маркграфами Бранденбурга. В качестве компенсации он обещал город и замок Гданьск, который в 1271 г. был занят бранденбургским войском [7, с. 196]. В конце XIII в. в ходе объединения польских земель между Польшей и Бранденбургом началась борьба за Гданьское побережье. В 1294 г. великопольский князь Пшемыслав II (с 1295 г. король) на основании соглашения с Мстивоем II присоединил к Восточному Поморью. Это был акт огромного политического значения, символизировавший территориальное и политическое объединение польских земель.

Через год Пшемыслав II был убит агентами Бранденбурга. В течение последующих 10 лет на польском троне сидели призванные малопольской знатью чешские короли, вассалы Империи — Вацлав II (1300—1305), воспитанный при бранденбургском дворе, и его сын Вацлав III (1305—1306). Следует отметить, что союзные отношения между Орденом, Чехией и Бранденбургом были установлены еще чешским королем Пршемыслом Отакаром II (1273—1278). В 1254 г. союзники по призыву папы предприняли крестовый поход в Пруссию. Там в 1255 г. в честь Пршемысла Отакара магистр Тевтонского ордена Поппо фон Остерн заложил крепость Краловец (Крулевец, Кёнигсберг, ныне Калининград) в нижнем течении реки Преголь [4, с 84]. Возможно, действия Пршемысла Отакара II имели целью укрепить собственный авторитет в глазах германских князей, поскольку он выступал претендентом на имперскую корону, а возможно, стремился не допустить укрепления Польши в этом регионе.

Против чешских королей, опиравшихся в Польше на немецкий патрициат, выступила оппозиция, требовавшая разрыва чешско-польской династической унии. Ее возглавил куявский князь Владислав Локетек (1305—1333, с 1320 король). За помощь в борьбе с ним Вацлав III обещал бранденбургским маркграфам отдать Гданьское Поморье. Этот договор, во многом обусловивший убийство Вацлава III (1306), имел катастрофические последствия для Польши. Для отражения бранденбургской агрессии Владислав Локетек (по иронии судьбы он был внуком князя Конрада Мазовецкого, пригласившего Орден на польские земли) в 1308 г. обратился за помощью к Тевтонскому ордену, рыцари захватили Гданьский замок, вырезав польский гарнизон, заняли город, а затем и все Поморье. Затем Орден выкупил у Бранденбурга права на Поморье. Его присоединение позволяло крестоносцам не только осуществлять сухопутную связь с Империей, но и доминировать во всем регионе. Этот шаг был ответом Ордена на угрозу объединявшегося Польского королевства. Император Генрих VII также «не мог позволить Ладиславу задаром использовать рыцарей ордена и его дружбу», тем более предъявлять права на власть над Орденом. Наоборот, Орден усиливал налоги с Западной

Пруссии и укреплял союз с Бранденбургами. Теперь тевтонские рыцари были уверены в том, что «смогут одолеть любую польскую армию» [6, с. 71].

Так с помощью вассалов Империи — чешских Пршемысловцев, Бранденбурга и Тевтонского ордена — была создана база для дальнейших захватов польских земель. Утрата Поморья стала ударом для Польши, которая в период территориально-политического восстановления и на пороге экономического подъема была лишена выхода к морю. Что касается Тевтонского ордена, то агрессия против христианского государства уничтожала его имидж как защитника христиан от неверных и положила начало затяжному конфликту с Польшей.

Ситуация на западной границе Польского королевства была неблагоприятной. Она характеризовалась быстрым усилением династии Люксембургов, представители которой в XIII — начале XV в. занимали трон Священной Римской империи, Чехии, Венгрии. Это были император Генрих VII (1308—1313), король Чехии Иоганн (1310—1346), император Карл IV (1347—1378) и одновременно король Чехии под именем Карла I (с 1346), император Вацлав (1378—1400) и одновременно король Чехии под именем Вацлава IV (1378—1419), император Сигизмунд (1433—1437) и одновременно король Венгрии (под именем Жигимонд) (1387—1437) и король Чехии (1436—1437) [14]. Основой укрепления их экономического положения и политической власти была богатая Чехия. В 1327—1329 гг. чешский король Иоганн Люксембургский был признан верховным сеньором всеми герцогами Силезии и Бреславльским. Люксембурги претендовали на польский трон, покровительствовали Тевтонскому ордену и уже по этим причинам являлись врагами Польши.

Чтобы стабилизировать внутриполитическую ситуацию, Владислав Локетек в январе 1320 г. короновался королевской короной. Однако его титул не имел широкого признания. На международной арене польским королем считался чешский Иоганн Люксембургский, который называл Владислава I «краковским королем» и угрожал ему войной. Основанием для притязаний Иоганна Люксембургского была личная польско-чешская уния, в соответствии с которой Пршемысловцы (Вацлав II и Вацлав III) короновались польской короной, а Польша в 1300 г. была объявлена леном Империи [15, с. 24—25]. Поэтому международное положение восстановленного королевства (Regnum Poloniae) было сложным. Объединение польских земель вызывало сопротивление Тевтонского ордена, строившего планы экспансии в польские земли, и его союзников — чешских Люксембургов и бранденбургских Виттельсбахов. Главной целью Владислава I Локетка стало возвращение Восточного Поморья.

Не имея ни денег, чтобы заплатить крестоносцам за их «услуги», ни сильного войска, Владислав Локетек для разрешения конфликта с Орденом обратился в Авиньон, где в 1309—1377 гг. находилась папская резиденция, к высшей судебной инстанции — папскому суду [16]. Расчет на поддержку папы был вполне реальным. Польша находилась под особой опекой Римской курии, поскольку она, как и ряд других государств (Дания, Англия, Швеция, Норвегия), с середины XI в. выплачивала в папскую казну так называемый «денарий святого Петра». За санкцию своей коронации Локетек увеличил его размеры втрое. Он также согласился ввести в Польше инквизицию для борьбы с еретиками. Выплаты обременяли польскую экономику, но были лучшим аргументом для обеспечения политической поддержки государству. В Пруссии же никогда не собирали денария св. Петра, поскольку Тевтонский орден отказался от выплат. «Принадлежа к церкви, эти рыцари ее не боятся» [10, с. 38, 17, с. 76]. В 1321 г. комиссия, назначенная папой, присудила вернуть Поморье Польше. Однако орденская пропаганда и дипломатическая поддержка Бранденбурга и Люксембургов усилили позиции крестоносцев. Они обжаловали это решение, и вопрос по существу остался открытым.

Жесткая позиция Ордена вызвала изменения во внешнеполитической ориентации Польши. Первоочередное значение для нее имел союз с папством. На протяжении целого столетия — с момента коронационной петиции Владислава Локетека (1318) до начала XV в.

политика пап была благоприятной для Польского государства. Другим союзником было Венгерское королевство, где с 1308 г. утвердилась Анжуйская династия, связанная с Пястами родственными отношениями. Этот союз был направлен против общих врагов — Люксембургов. Претензии чешского короля Иоганна Люксембургского, считавшего себя преемником Пршемысловцев, на польский трон поддерживал его отец, германский император Генрих VII. Польско-венгерский союз, подтвержденный браком дочери Локетека Елизаветы (Эльжбеты) с королем Венгрии Карлом Робертом (1320), позднее трансформировался в династическую унию (1370—1382), разорванную из-за притязаний обоих государств на Галицкую Русь. Наконец важнейшим союзником Польши стало ВКЛ, которому также угрожал Тевтонский орден. В 1325 г. польско-литовский союз был скреплен браком дочери великого литовского князя Гедимина Анны (Альдоны) и сына Владислава Локетека Казимира. Уже в 1326 г. литовский отряд во главе с Давидом Городенским участвовал в польском походе на Бранденбург [4, с. 185—186]. Наконец, вмешиваясь во внутренние дела Германии, Владислав Локетек поддерживал выступления против императора его непокорных вассалов. Однако, несмотря на эти усилия, вернуть Поморье не удалось.

В 1327 г. началась война Польши с Орденом, в союзе с которым действововал Иоганн Люксембургский. Крестоносцы воевали с христианской державой за территории, которые им не принадлежали. Военные действия сопровождались страшным разорением Польши. Тактика великого магистра Лютера фон Брауншвейга (1331—1335) основывалась на нанесении максимально возможного ущерба противнику. Битва под Пловцами (1331), в которой крестоносцы потерпели сокрушительное поражение, в военном отношении ничего не решила и не остановила орденскую агрессию. Только вмешательство папы на время прекратило военные действия. В 1332 г. было заключено перемирие. Владислав Локетек умер в разгар войны (1333), так и не добившись перелома в ходе военных действий.

Завершение конфликта с Орденом досталось в наследство его сыну Казимиру III Локетековичу (1333—1370), вошедшему в историю с именем «Великий». Он продолжал объединительную политику отца правовыми и административными методами. Главным средством его внешней политики стала дипломатия. Следует учитывать, что польско-орденский конфликт стал важным аргументом в дипломатической игре европейских политиков, а Поморье — разменной картой в ней. Поэтому в урегулировании польско-орденских отношений участвовали не только Польша и Орден, но также Чехия и Венгрия. Это была «игра трех королей», в которой Иоганн Люксембургский и Карл Роберт выступали в роли арбитров [18, с. 48].

Польская сторона находилась в сложном положении и лавировала между Люксембургами, Виттельсбахами, Валуа и Орденом. При этом, как считают польские историки, главную роль играли династические интересы [19, с. 132—133]. В предстоящих переговорах Казимиру III противостояла коалиция крестоносцев, Люксембургов и бранденбургских Виттельсбахов. Чтобы не допустить их совместного выступления, Казимир продлил перемирие с Орденом до 1335 г. Со стороны польской дипломатии же было оказано давление на Иоганна Люксембургского. Средством этого было прелиминарное соглашение с бранденбургским маркграфом Людовиком Виттельсбахом, старшим сыном императора. Договор был подписан во Франкфурте в мае 1335 г. и обязывал не участвовать в союзах, противоречащих интересам сторон. Людовик Бранденбургский полагал, что к договору присоединится и его отец, император. Соглашение предусматривало заключение брака между дочерью Казимира Елизаветой и другим сыном императора — Людовиком Младшим [18, с. 50].

Целью этих акций было стремление сделать союзника Бранденбурга, Иоганна Люксембургского, более уступчивым в решении вопроса о польской короне. Цель была достигнута. В мае 1335 г. в Сандомире при посредничестве венгерского короля Карла Роберта еще до начала основных переговоров было достигнуто предварительное соглашение с Иоганном Люксембургским о его отказе от прав на польскую корону. Со своей стороны Казимир III

обязывался не вступать в союзы с третьей стороной, которые могли причинить вред Империи и ее вассалам — Чехии и Бранденбургу. Это была победа дипломатии Казимира III.

Основные переговоры проходили в Вышеграде, в резиденции Карла Роберта в октябре — ноябре 1335 г. Их целью было разрешение вопроса о государственной принадлежности Гданьского Поморья и Куявской земли, а также завершение спора о польской короне между Казимиром III и Иоганном Люксембургским. Три короля подписали договор, по условиям которого Иоганн Люксембургский отказывался от притязаний на польский трон за 20 тыс. коп пражских грошей. Добжинская земля и Куявия возвращались Польше на правх вотчин в их старых границах. Поморье оставалось за Орденом. Силезия переходила к Чехии.

Утрата Поморья была для Польши болезненной. Аграрная страна оказалась отрезанной от моря и была обречена на системный кризис. Однако Казимир, как реалистичный политик, понимал, что в существующих обстоятельствах невозможно добиться большего. Тевтонский орден находился в зените своего могущества. Мариенбург стал столицей большого и сильного государства, которое доминировало на Балтике и опиралось на политическую поддержку Империи. Возможно, что именно потеря Поморья, вызывающая недовольство в шляхетских кругах, привела Польшу к экспансии в Галицкую Русь. Польская историография неоднозначно оценивает внешнюю политику Казимира III, в частности экспансию в земли Руси, где Польша сталкивалась с серьезными конкурентами — Венгрией и Литвой. Восточная экспансия отвлекала Польшу от борьбы с главной опасностью, грозящей с запада, — Тевтонским орденом [19, с. 35]. Кроме того, она порождала сепаратистские тенденции в среде малопольской шляхты, силами которой осуществлялась восточная экспансия.

В 1339 г. состоялся новый этап переговоров в Вышеграде, которые дали следующие результаты. В случае отсутствия наследника после смерти Казимира III польским королем должен был стать сын венгерского короля Карла Роберта и Елизаветы Локетековны Людовик (Лайош). Взамен Людовик обязывался поддерживать претензии Польши к крестоносцам, а также защищать польские интересы в Галицкой Руси. Эти взаимообусловленные договоренности отражали давление на Казимира III со стороны Карла Роберта в вопросе о замещении трона. В то же время они могли стать гарантией польско-венгерского союза против крестоносцев. Однако после смерти Казимира III (1370) его племянник Людовик Венгерский (1370—1382), получив польскую корону и попирая Вышеградские договоренности, сам оккупировал Галицкую Русь. Это явилось одной из причин разрыва польско-венгерской унии.

Главной целью политики Казимира Великого являлась стабилизация как внутри Польского государства, так и на его границах. Находясь во враждебном окружении, он вынужден был действовать правовыми методами. В 1339 г. по его инициативе начался судебный процесс в Варшаве. Поводом явилось несогласие короля с решением Вышеградского съезда 1335 г. о переходе Гданьского Поморья и Хелминской земли в «вечное пожалование» Ордену.

Польская сторона подготовила акт, излагающий историю польско-тевтонских отношений, с требованием возвращения Гданьского Поморья, Хелминской, Михаловской, Куявской и Добжинской земель. Польские послы, полагаясь на доброжелательную позицию папы Бенедикта XII, ожидали благоприятного решения. В результате изучения документов и показаний свидетелей было принято постановление об удовлетворении иска польской стороны. Более того, Орден должен был оплатить все судебные издержки. Однако Бенедикт XII назначил собственную комиссию для доследования, а его преемник Клеменс VI поддержал крестоносцев. Арбитраж папы был высшей и последней правовой инстанцией. Переговоры зашли в тупик [18, с. 21, 67]. В этих обстоятельствах Казимиру оставалось либо заключить мир с Орденом, либо начать новую войну. В 1343 г. в Калише в результате длительных переговоров на основе «решений трех королей» был подписан «вечный» мир, который зафиксировал договоренности, достигнутые ранее в Вышеграде. За отказ от прав на Хелминскую и Михаловскую земли и Гданьское Поморье Казимир получал Куявы и Добжин. Это соглашение, как и

все «вечные» миры, длилось недолго, несмотря на то, что король и великий магистр торжественно клялись (один на короне, другой на кресте), что будут соблюдать его «вечно и нерушимо». От принадлежности Поморья зависело будущее как Польши, так и Ордена.

Вторым фактором, определяющим направление экспансии Тевтонского ордена, являлось ВКЛ, точнее — Жемайтия. Вопрос о Жемайтии обострился после инкорпорации Ливонского ордена меченосцев («Братья Христова рыцарства», Fratres militiae Christi) в состав Тевтонского (1237). Заметим, что название «Ливонский» ордену меченосцев присвоили русские летописцы по его территориальной принадлежности, и эта традиция принята в историографии [20]. Слияние двух орденов также «явилось делом Германа фон Зальца» [10, с 81]. Поглощение меченосцев Тевтонским орденом было явлением предсказуемым и закономерным. По сравнению с Тевтонским орден меченосцев имел более слабые позиции. В отличие от других духовно-рыцарских орденов, он сохранял номинальную зависимость от Рижского и Дерптского епископов, подчиненных непосредственно Риму, и фактически был лишен прямой поддержки Империи. Наконец, он постоянно подвергался нападениям ливов, эстов, латышей, которых поддерживали полоцкие, новгородские и литовские князья.

Еще в 1231 г. магистр ордена меченосцев Волквин фон Винтерштаттен (1209—1236) пытался разрешить эту сложную ситуацию объединением с Тевтонским орденом. Он надеялся, что тевтонские рыцари предоставят людскую и финансовую помощь, необходимую для защиты ордена в Ливонии, а их связи с папой помогут урегулировать конфликты с епископом Риги. Однако тогда этот вопрос не был решен главным образом потому, что тевтонские рыцари были заняты завоеванием Пруссии.

Резко осложнилось положение ливонских рыцарей в 1234 г., когда в сражении под г. Юрьевом (Тарту) они были разбиты новгородским князем Ярославом Всеволодовичем. Магистр Волквин фон Винтерштаттен был вынужден заключить мир с князем Ярославом. Договор соблюдался в течение 4 лет, и по его условиям Юрьев обязывался платить дань Новгороду. Это была та самая дань, которая впоследствии послужила поводом для Ивана IV начать Ливонскую войну [21, с. 99]. Для укрепления позиций ордена в Ливонии был предпринят новый крестовый поход в Литву (1233—1236). Он завершился битвой при Сауле (Шяуляй), в которой рыцари были разгромлены, а магистр Волквин фон Винтерштаттен убит [22, с. 102—108]. Пользуясь кризисным состоянием Ордена, против его власти восстали курши, земгалы и другие балтские племена. В 1237 г. ливонское рыцарство было разгромлено под Дорогичином войском Даниила Романовича Галицкого. В сущности, это был конец меченосцев.

В мае 1237 г. папой Григорием IX и великим магистром Германом фон Зальца был осуществлен акт инкорпорации ордена меченосцев в состав Тевтонского. Орден меченосцев прекратил существование, превратившись в филиал Тевтонского ордена в Ливонии, которым управлял наместник гроссмейстера — ландмагистр. Первым наместником стал покоритель Пруссии «Герман по прозвищу Бальке» (1237—1238) [4, с. 61—62]. Этим актом была завершена внутренняя консолидация Тевтонского ордена, увеличилась его территория, военный и материальный потенциал. С этого времени государство крестоносцев, получая постоянную поддержку от Империи, быстро усиливается за счет захвата и грабежа чужих земель.

Агрессия Ордена стала катализатором политического объединения литовских этнических групп, которое возглавил Миндовг. В 1260 г. в битве при оз. Дурбе объединенные силы жемайтов, леттов, эстов и куршей одержали победу над крестоносцами.

Превращение Тевтонского ордена в единый военно-политический комплекс вызывало необходимость территориального объединения двух его филиалов — Пруссии и Ливонии. Препятствием для этого являлась Жемайтия, имеющая выход к Балтике и уже в силу этого представляющая стратегический интерес и для крестоносцев, и для ВКЛ. Жемайтия была барьером, разделяющим по суше владения крестоносцев в Пруссии и в Ливонии. Прусский и ливонский магистры могли сообщаться только по морю и только летом. Именно поэтому

Жемайтия имела особое значение для Ордена, который вел за нее ожесточенную борьбу в течение двух столетий. Война за Жемайтию стала следующим этапом северных крестовых походов. Петр из Дусбурга с немецкой основательностью под 1283 г. сообщает: «Окончена Прусская война. Начинается Литовская война» [4, с. 138]. В ходе этой войны перед Литвой стояла реальная угроза повторить судьбу Пруссии. Однако тактика, использованная крестоносцами в Пруссии и Ливонии, не дала результатов. ВКЛ, присоединив земли Руси, превратилось в мощную восточноевропейскую державу и стало небезопасным для самого Ордена.

Период 1377—1386 гг. (от смерти Ольгерда до заключения Кревской унии) — время наибольшей, но не слишком результативной военной активности крестоносцев [23, с. 50—51]. Политика Ордена по отношению к ВКЛ была гибкой. При этом литовско-орденские отношения трудно назвать двусторонними, настолько глубоко в них были втянуты Империя, Польша, Русь и татары. Крестоносцы использовали династическую борьбу, развернувшуюся после смерти Ольгерда (1377) между Кейстутом, Ягайло, а позднее — Витовтом и Свидригайло. Орден стремился поддерживать династические притязания князей, конфессиональные противоречия и магнатский сепаратизм. Эта политика ослабляла ВКЛ, но именно слабое в военно-политическом отношении государство устраивало Орден в качестве соседа и партнера.

Орден умело использовал стремление литовских князей усилить свое влияние в землях Руси, активизируя восточный вектор политики ВКЛ. Доказательством является серия договоров между Орденом и литовскими князьями [см. подробнее 53]. Так, в 1380 г. Ягайло, пытаясь использовать крестоносцев в борьбе с Кейстутом, заключил соглашение с магистром Винрихом Книпроде. Магистр называл Ягайло «верховным королем Литвы», а Ягайло магистра — «братом» [24, с. 113; 25, с. 231]. Соглашение гарантировало безопасность западных границ Княжества накануне Куликовской битвы, когда Ягайло, объединившись с Золотой Ордой, выступал против Москвы. Поэтому «Ягайло должен был договориться с крестоносцами даже ценой Кейстута, чтобы развязать себе руки в экспансии на Русь» [26, с. 359]. Действуя в рамках договора, в 1381 г. магистр прислал войска для подавления мятежа в Полоцке, направленного против ставленника Ягайло — Скиргайло. Союз Ягайло с крестоносцами был временным, поскольку целью князя была польская корона. Уже в 1382 г. этот союз был разорван, а великий магистр Конрад Золлнер «решил поддержать Витовта всей мощью Ордена» [27, с. 3]. По условиям соглашения, подписанного на реке Дубиссе, за помошь в захвате власти Витовт становился ленником Ордена [28, s. 52]. Следствием стала война, в которой против Ягайло сражались жемайты во главе с Витовтом, а также брат Ягайло, полоцкий князь Андрей Ольгердович. Андрей Горбатый, как называют его белорусско-литовские летописи, был старшим сыном Ольгерда и имел право на великокняжескую корону. Лишенный наследства, он много лет возглавлял оппозицию. Выступая в союзе с крестоносцами, Андрей в случае возвращения Полоцка обязывался владеть им на правах орденского ленника [25, № 509, s. 256; 27, s. 79].

Обязательным условием соглашений Витовта с крестоносцами была передача Ордену Жемайтии. Вопрос о ее принадлежности обострился накануне заключения Кревской унии. Польско-литовский союз представлял объективную опасность для существования Ордена в Прибалтике, поскольку уничтожал даже формальный предлог для крестовых походов. Ягайло как христианский государь по условиям Кревского договора обязывался обеспечить принятие христианства в ВКЛ. По этим причинам языческая Жемайтия оставалась единственным объектом миссионерской деятельности «монахов с мечом» и была необходима Ордену как легитимное обоснование его пребывания в регионе. Это хорошо осознавал и Витовт.

В то же время передача Ордену Жемайтии была с его стороны формальным и условным актом, имеющим важный тактический характер. Князь знал, что установить контроль, тем более освоить эту область крестоносцам было практически невозможно, на что они впоследствии безрезультатно жаловались Ягайло, Витовту и папе [25, № 844, s. 352]. «Жители этой области Литвы... жили в осушенных долинах, которые были расположены среди пересечен-

ной местности. Их укрывали болота, полные комаров, и густые леса: это создавало вокруг них естественный барьер. Эти чащобы и трясины были практически безлюдны и не тронуты деятельностью человека... Из-за боязни нападений воинственных соседей самогиты устраивали обширные засеки, отчего леса становились еще более непроходимыми. После появления крестоносцев эти места превратились в то, что стало называться “дикрой”» [6, с. 92]. Отвечая на грабительские походы рыцарей, жемайты сами предпринимали нападения на рыцарские замки. Великий магистр Ульрих фон Юнгинген в письмах умоляет Витовта оказать помощь в отражении этих нападений [25, № 844, s. 352].

Соглашения, которые заключал Орден с литовскими князьями, ставили его в двусмысленное положение. Держава, обязанная вести войну с врагами христианства, сама вступала в союз с «нехристями» — язычниками-жемайтами и «схизматами»-православными. С другой стороны, приобретение Жемайтии было успехом дипломатии крестоносцев, которые продвигались на восточное побережье Балтики. Получив по Салинскому договору (1398) Жемайтию, Орден в этом же году аннексировал шведский о-в Готланд. Это была кульминация его территориальной экспансии в Центрально-Восточной Европе.

Заключение польско-литовской унии изменило соотношение сил в Центральной Европе не в пользу Ордена. Крестоносцы были заинтересованы в существовании небольших государств, враждующих друг с другом и ослабляющих друг друга в ходе перманентного конфликта. Они стремились не допустить коалиции держав, способной противодействовать их политике. Альтернативой польско-литовской унии было заключение брака Ядвиги (Хедвиг) Анжуйской с ее женихом, австрийским принцем Вильгельмом Габсбургом, после чего Польша (по образцу Чехии) должна была стать ленным владением дома Габсбургов. Для поддержки Вильгельма Габсбурга крестоносцы использовали все дипломатические средства. Они развернули широкую информационную кампанию, целью которой было убедить Европу, что брак Ядвиги и Ягайло является недействительным, поскольку принцесса Хедвиг Анжуйская и Вильгельм Австрийский были обручены. Орденскую пропаганду поддерживала Империя, не желавшая упускать польскую корону [27, s. 57].

Подписание Кревского договора обострило отношения Польши, ВКЛ и Ордена. Более устойчивым стал союз крестоносцев с Витовтом, добивавшимся верховной власти и независимости ВКЛ. На территории Ордена Витовт получил военный плацдарм (замки Риттерવердер, Нойгарде и Меттембург), откуда в течение двух лет вместе с рыцарями нападал на Литву [27, с. 91—92]. Этот союз был местью крестоносцев за унию и объективно был направлен против Польши. Об этом свидетельствует переписка Витовта с великим магистром, где он прямо говорит о намерении занять великокняжеский трон [25, № 578, s. 279].

Кревская уния (1385) для польской стороны была спасением от Габсбургов, в то же время она была необходимым условием будущей победы над Орденом. Большинство исследователей считают, что «...если отвлечься от односторонних оценок и дискуссий, в которых присутствует политический компонент, Кревская уния отвечала национальным интересам народов Княжества и Короны и имела объективное значение как средство спасения от тевтонской агрессии и сохранения государственной независимости» [23, с. 85—86; 48, s, 99]. Уния была юридически разорвана уже после смерти Ядвиги (1399), но политические аргументы, инспирировавшие ее, не утратили актуальности в течение всего периода правления Ягеллонов.

Давление на Польшу со стороны Витовта завершилось подписанием Островского соглашения (1392), которое перечеркнуло важнейшие пункты Кревского договора и определило автономный статус ВКЛ. Витовт был признан великим князем литовским [49, с. 72; 56, 71, 102. 185, 227; ср. 50, s. 138]. Фактическим гарантом автономии являлся Орден.

Союз Витовта с Орденом был зафиксирован Салинским договором (1398). По его условиям Жемайтия передавалась в распоряжение Ордена. Витовт обещал помочь крестоносцам в завоевании Пскова, а Орден — Витовту в покорении Новгорода. Ни одна из сторон не должна

была пропускать через свою территорию силу, враждебную другой стороне [25, № 694, s. 314]. В тексте договора Витовт называл себя «верховным князем Литвы», без ведома Ягайло присваивая его титул. Кроме того, договор был заключен в такой форме, что не нуждался в утверждении польским королем, сюзереном литовского князя [51, s. 590]. Таким образом, союз с Орденом означал самостоятельность внешнеполитического курса ВКЛ и признание этого Ягайло de facto. Уже в 1399 г. Витовт послал новгородцам «разметную» грамоту, и только осложнения отношений с татарами, закончившиеся трагической битвой на Воркслe (1399), не позволили союзникам начать военные действия [52, с. 142]. Таким образом, позиция Ордена во многом определяла баланс восточного и западного векторов в политике Польши и ВКЛ. Соглашения, которые Орден заключал с ВКЛ, не только ослабляли положение Польши, но и позволяли проводить активные военные акции на востоке.

В 1404 г. в Рацёнже было подписано еще одно соглашение между Орденом и ВКЛ, подтверждающее Салинский трактат [25, № 791, s. 341]. Практическим результатом Рацёнжского договора было присоединение Смоленска (1404), походы Витовта на Псков и Новгород (1404—1408) [53, с. 398]. В конфликт было втянуто и Московское княжество, поскольку псковичи и новгородцы «били челом» великому московскому князю Василию Дмитриевичу, и он «разверже мир со князем литовским... псковския ради обиды» [52, с. 111, 114.]. Война с Москвой на стороне Витовта не входила в круг внешнеполитических приоритетов и возможностей Ордена. Поэтому никакой помощи Витовт не получил, и его надежды на компенсацию за отданную Жемайтию оказались иллюзией. Возможно, пассивная позиция Ордена, вооруженный натиск Москвы и переход на ее сторону князей Одоевских и Свидригайло подтолкнули Витовта изменить внешнеполитический курс. Мирное соглашение, подписанное Витовтом со своим зятем, великим князем московским (1408), означало разрыв с Орденом [49, с. 76—77; 24, CCCLXXIV, с. 154].

Отношения между Орденом с одной стороны, Польшей и ВКЛ с другой обострились. Крестоносцы вели агрессивную антипольскую пропаганду, обвиняя Ягайло в потворстве язычникам и схизматикам. На Франкфуртском рейхстаге (1393) орденские послы утверждали, что польский король постоянно вооружает «неверных», поэтому сражаться с «врагами Христа» становится все тяжелей [25, № 632, s. 297—298]. В то же время Орден не признавал права Польши на роль посредника в осуществлении христианской миссии, отвергая ее как нелегитимную и монополизируя право на распространение христианства [27, с. 169]. Крайне остро встал вопрос о принадлежности Жемайтии. Из Жемайтии к Витовту прибывали посольства с просьбой «не отдавать их крестоносцам, поскольку они являются одним народом с литвой» [27, s. 169]. Обострились вооруженные конфликты на литовских границах. Письма Витовта к магистру свидетельствуют о постоянных нарушениях правил свободной торговли со стороны крестоносцев [25, № 632, s. 297—298]. Эти обстоятельства способствовали подтверждению польско-литовской унии в 1401 г.

Анализируя ситуацию, приведшую к войне, М. Ючас отмечает серьезные внешнеполитические просчеты польских князей, дважды допустивших непоправимые ошибки. Это произошло в 1226 г., когда Тевтонский орден был приглашен на польские земли для христианизации и подчинения прусских язычников, и в 1343 г., когда по Калишскому договору Польша отказалась от Поморья [23, с. 54]. Однако определяющим фактором начала войны были притязания Ордена на Жемайтию, поскольку дипломатическими средствами этот вопрос не был решен. Польша поддержала Литву не только из-за притязаний Ордена на свои территории. Она опасалась коалиции Ордена с Чехией и Венгрией.

Эти опасения не были напрасны, так как накануне войны, несмотря на усилия польской и литовской дипломатии, союзники оказались в изоляции. Венгерский король Сигизмунд Люксембургский (римский цезарь с 1411 г.) в ответ на просьбу Ягайло о поддержке ответил, что «даже ценой собственной крови поможет Пруссии» [27, с. 197]. Орденский посол в Лон-

доне сообщал магистру, что в ответ на просьбу Ягайло о соблюдении нейтралитета король Генрих IV, в молодости принимавший участие в походах на Литву, ответил: «Я не могу этого сделать, я — дитя Пруссии» [25, T. I, № 909, s. 367]. Данная расстановка сил отражала не столько дипломатические успехи Ордена, сколько его политические связи, реализуемые через Империю. В декабре 1409 г. Сигизмунд Люксембургский заключил тайное соглашение с Орденом, по которому должен был начать войну против Польши, если на ее стороне будут воевать «схизматы» и татары [25, T. 1, № 906, s. 366].

В поддержку войны с Орденом выступил ректор Краковского университета Станислав из Скарбимира. В своем трактате «О войне справедливой», обосновывая принципы «справедливой» войны, он доказывал, что если Польша и ВКЛ добиваются возвращения своих земель, то в справедливой войне против «злых христиан» католические правители могут призвать на помощь язычников [29]. Это был ответ на обвинения в адрес Ягайло и Витовта, в войсках которых сражались язычники-жемайты, мусульмане-татары и православные «схизматы».

Великая война (1409—1411), кульминацией которой было сражение под Грюнвальдом (15 июля 1410), изменила соотношение сил в Восточной Европе. «Слава и сила Ордена погибли окончательно», — заметил С. Соловьев [54, с. 374]. Грюнвальдская битва символизировала конец эпохи крестовых походов в Прибалтике. Земли Польши и ВКЛ теперь находились в относительной безопасности. Война нанесла удар по экономике Ордена. Резко сократилась его торговля, что позитивно отразилось на польском экспорте зерна. Несмотря на блестящую победу союзников при Грюнвальде, реализовать и развить ее результаты не удалось ни в военном, ни в международно-политическом аспектах. После Грюнвальда на протяжении половины столетия между Короной и Орденом сохранялось status quo. Вместе с тем мнение о том, что после поражения под Грюнвальдом Тевтонский орден чудом избежал полного разгрома благодаря удачному стечению обстоятельств, весьма сомнительно. Прододолжать войну так же победоносно союзники не могли. Грюнвальдский успех был кратковременным. Э. Лависс замечал, что «удар был страшен, но не от этого поражения суждено было умереть Ордену... Тевтоны были непобедимы у себя дома, как литовцы в Литве» [10, с. 46, 56].

Исход войны решало взятие орденской столицы — Мальборга, который был одной из лучших по своим фортификационным характеристикам крепостей в Европе. Однако взять его было невозможно по объективным причинам. Для штурма у союзников не было артиллерии, а для блокады — многочисленной пехоты. Казна короля пустовала, и он не мог нанять солдат. Сохранение военного положения было не в пользу союзников, поэтому и условия Торуньского мира (1 февраля 1411) были ничтожны в сравнении с победой под Грюнвальдом. По его условиям ни одна из сторон не достигла цели. Польская сторона обязывалась вернуть все захваченные прусские замки, вывести свои войска и освободить пленных. Орден должен был выплатить польскому королю 100 тысяч коп больших пражских грошей (в 3 срока). За Великим княжеством Литовским оставалась Жемайтия, но после смерти Владислава Ягайло и Александра Витовта она должна была вернуться к Ордену [30, № 35].

Подчеркивая незначительность приобретений союзников, В. Урбан считает, что Грюнвальдская битва «получила известность, превосходящую ее подлинное значение». Более важным по своим результатам он считает сражение при Сауле (1236), которое привело к инкорпорации ордена меченосцев в состав Тевтонского. Так же нелестно оценивает В. Урбан и другое сражение с крестоносцами — битву на Чудском озере (1242). Он считает, что «в угоду политическим позициям XX века эта битва получила незаслуженную славу. Это событие наделили значением гораздо большим, чем оно того заслуживает» [6, с. 9, 20, 60]. Данная оценка не нова и восходит к орденской хронографии, которая стремилась сгладить негативные последствия проигранных сражений и сводила их к заурядным пограничным конфликтам.

Грюнвальдское сражение, как и Куликовская битва, и гуситские войны было битвой Нового времени и открывало новую страницу не только в истории войн, но и в истории

народов Польши, ВКЛ и Руси. [31, с. 84; 32, с. 33—45]. Грюнвальд относится к событиям, которые существуют в памяти и духовной жизни народа, поддерживая его историческую память и национальное самосознание. Когда по инициативе великого магистра Генриха фон Плауэна начались переговоры о мире, в королевском совете обсуждался вопрос «об изгнании крестоносцев из Пруссии и переселении их... на берега Днепра. Здесь пусть воюют с татарами и защищают христианство», отметил Б. Ваповский [27, с. 259—261; ср. 33, с. 80].

Заключение мира (1 февраля 1411) не устранило противоречий между Польшей, ВКЛ и Орденом. Польша ближайшей задачей считала возвращение Поморья, а ВКЛ — Жемайтии, поскольку она лишь временно переходила к Литве. Шляхта белорусских и литовских земель считала, что «Witold musi mieć Króliewiec, bo to jego ojcowizna» [24, № 410, s. 182]. Вместе с тем Витовту необходимо было сохранить Орден как средство достижения своих целей в Европе, как рычаг управления унитарным процессом в борьбе за суверенитет ВКЛ. Возможно, именно эти обстоятельства определили уход его войск из-под Мальборга, что окончательно сорвало осаду и повлияло на условия Торуньского мира. Эта политика принесла реальные результаты уже в 1413 г. при заключении Городельской унии. С одной стороны, уния являлась демонстрацией политического и военного единения Польши и ВКЛ, с другой — утверждала союз двух равноправных держав и фактически отрицала инкорпорацию, объявленную в Крево. Согласно Городельскому трактату ВКЛ получало право на постоянного отдельного государя [34, № XIII, s. 15]. Сопротивляясь польской экспансии и инкорпорации, правители ВКЛ вели сложную дипломатическую игру с Орденом, рассматривая его как возможного гаранта собственной независимости, что косвенно подтверждает проект коронации Витовта (1430).

После заключения Торуньского мира между Орденом с одной стороны, Польшей и ВКЛ с другой развернулась острая идеологическая борьба. Орденская пропаганда, ориентированная на Запад, выступала с идеей о возможности принудительного крещения язычников. Концепция «принудительной миссии» допускала захват земель язычников и тем самым оправдывала войну с ними. Однако на соборе в Констанце (1414—1418) идеологи Ордена впервые потерпели поражение. Польские юристы, основываясь на трудах итальянских теологов, опровергли законность принудительного крещения язычников, а также доказательства прокуратора Ордена, в том числе буллы пап и императоров, даровавших земли язычников крестоносцам [23, с. 227—229; 35]. После этого состоялось крещение населения Жемайтии.

Первый Торуньский договор не устраивал ни одну из сторон и поэтому был неустойчивым. Несмотря на то что мир назывался «вечным», он просуществовал не более трех лет и нарушался уже в год его подписания. В феврале 1411 г. войт Жемайтии Михаил Кюхмайстер доносил великому магистру, что на границе с Орденом Витовт отстраивает замки. В письме, датированном 1411 г., великий магистр упрекал Ягайло в подготовке к войне, но в то же время сам занимался вербовкой наемников. Обе стороны, обращаясь к европейским правителям, обвиняли друг друга в подготовке к войне [24, № 223, s. 233]. Активизировались дипломатические акции Польши и ВКЛ. Главной задачей польско-литовской дипломатии было разорвать союз крестоносцев с императором Сигизмундом Люксембургским. Именно это и пытался сделать Витовт во время поездки в Венгрию в конце 1411 г. [25, t. II, s. 4]. Однако обещая свою поддержку Польше и Литве, император заключил военный союз с Орденом и обратился к датскому королю Эрику с просьбой помочь крестоносцам [25, t. II, s. 6; 30, № 79].

В 1414 г. представители Польши и Литвы на съезде с послами Ордена потребовали пересмотра вопроса о принадлежности Гданьского Поморья, Хелминской, Михаловской земель. Эти претензии были отвергнуты, и «участники встречи разъехались еще более раздраженные» [27, s. 340]. Задержка выплаты очередного транша репараций крестоносцами стала поводом для начала так называемой «Голодной войны», имевшей целью разорение территории Пруссии и уничтожение экономического потенциала Ордена. Летом 1414 г. польские и литовские войска в союзе с силезским князем Конрадом VII Белым перешли прусские гра-

ницы, брали и осаждали замки, жгли и разоряли города. Последней военной акцией была осада хорошо укрепленной крепости Бродницы. Польские хронисты (Я. Длугош и Б. Ваповский) сообщают, что после семидневной осады Витовт увел свои войска, как это произошло под Мальборгом в 1411 г. [27, s. 350]. Однако письма Витовта к великому магистру свидетельствуют, что князь находился под Бродницей до конца осады [24, № 600, s. 297]. В октябре 1414 г. под Бродницей было подписано перемирие, не изменившее существующих границ. Разрешение вопроса о спорных территориях было отдано на третейский суд императора Сигизмунда Люксембургского, папы и стало предметом дискуссий на Констанцском соборе.

В январе 1420 г. во Вроцлаве (он с 1395 г. находился в составе Чехии) император объявил свой приговор. Его текст не сохранился, но из хроник известно, что Сигизмунд присудил крестоносцам даже те территории, на которые они не претендовали, а именно Клайпедский край, принадлежащий ВКЛ по Торуньскому миру 1411 г. [27, s. 433] По характеристике А. Барбашева, это была «месть Сигизмунда за гуситские дела» [36, с. 224]. Как император и сюзерен Ордена, Сигизмунд обязан был защищать своего вассала и не мог быть беспристрастным судьей. На его решение влияли и международные обстоятельства.

Роль Ордена в европейских отношениях отчетливо проявилась в вопросе о «чешском наследстве». После смерти чешского короля Вацлава IV Люксембургского (1378—1419) легитимным наследником чешского трона являлся его брат Сигизмунд, король Венгрии и император Священной Римской империи. Фанатичный католик, который предал и обрек на смерть Яна Гуса, не мог быть государем в гуситской Чехии. Отстаивая свои права на чешскую корону, он предпринял пять крестовых походов против еретиков (1420—1431), которые закончились безрезультатно. Под его знаменами воевало множество тевтонских рыцарей. Терпя от гуситов поражение за поражением, Сигизмунд несколько раз обращался к Витовту и Ягайло за помощью, но под разными предлогами получал отказ [24, № 410, s. 499—500]. Нельзя утверждать, что правители Польши и ВКЛ сочувствовали гуситам, однако в 1412— 1413 гг. друг и единомышленник Яна Гуса Иероним Пражский совершил поездку в Польшу и Литву, был принят королем и великим князем. Его проповеди находили понимание горожан, о чем свидетельствуют письма краковского епископа Альберта в Рим [37, s. 506—507].

Чешские сословия на сейме в Чаславе (1420) отвергли притязания Сигизмунда на корону и предложили ее Ягайло и Витовту, так как император, как сюзерен и союзник Тевтонского ордена, являлся врагом Польши и ВКЛ. Предложение гуситов поставило Ягайло и Витовта в сложное положение. Открыто выступить против Сигизмунда они не могли, поскольку он являлся третейским судьей в разрешении территориальных споров между Орденом, Польским королевством и ВКЛ. В ожидании приговора Ягайло дал чешским послам уклончивый ответ. Он понимал, что принять корону из рук еретиков ему не позволят могущественные польские прелаты. Кардинал Збигнев Олесницкий, верный слуга папского престола, являлся ярым врагом Реформации. У Витовта не было подобного препятствия, и он, номинально согласившись, направил в Польшу в качестве наместника своего племянника Сигизмунда Корибута во главе 5-тысячного отряда. Отдельным отрядом командовал князь Федор Острожский.

Решение императора (Вроцлавский приговор) было объявлено в 1420 г. В соответствии с ним территориальные претензии Польши и Литвы отвергались. После смерти Витовта и Ягайло Жемайтия переходила Ордену [25, t. II, №1288, s. 65]. Вынесенный под давлением Ордена приговор являлся политическим и дипломатическим поражением Княжества и Короны. Ягайло обвинил папу в предвзятости. Витовт отверг приговор императора на том основании, что никогда не давал согласия на его третейский суд. Тем самым Витовт игнорировал роль Ягайло как «верховного правителя» Литвы, что принижало роль короля в европейской политике. Конфликтная ситуация была немедленно использована Орденом. Магистр начинает сепаратные переговоры с ВКЛ, но одновременно просит Ягайло оказать нажим на Витовта, поскольку «...князь обязан подчиняться королю» [24, № 893, s. 491].

Император был заинтересован в том, чтобы Витовт занимался урегулированием отношений с крестоносцами и не вмешивался в чешские дела. С другой стороны, Витовт также нашел рычаг воздействия и на императора, и на Орден. Это были успешные военные действия в Чехии Сигизмунда Корибута. Тем самым Витовт пытался склонить императора к судебному решению в свою пользу. Военные действия Сигизмунда Корибута в Чехии были успешными. Как наместника его признал Ян Жижка, ему принес присягу чешский сейм, его войска освободили от крестоносцев несколько чешских городов и крепостей. Император через послов жаловался на эти действия Ягайле и утверждал, что его родственник лишил его чешского трона. Король на это дипломатично отвечал, что за действия Корибута он ответственности не несет, поскольку не посылал его в Чехию [27, s. 478]. Тайная дипломатия как Ордена, так и императора была полна противоречий. С одной стороны, Сигизмунд подталкивал Польское королевство и ВКЛ к войне с Орденом, так как его собственный приговор сделал невозможным решение конфликта дипломатическими средствами, с другой — император содействовал поражению крестоносцев в войне, которую повлек его приговор.

Голубская война (1422) получила название по главному событию всей кампании — взятию польско-литовскими войсками замка Голуб, важного стратегического пункта в Пруссии. Как и во время Голодной войны, обе стороны избегали крупных сражений, население укрывалось в замках и городах. Вся Пруссия «пылала страшными пожарами, огонь нес уничтожение и разрушение» [27, s. 472]. Чтобы не допустить полного разгрома Ордена, в войну вмешался император. Через своих послов он требовал прекращения военных действий и вывода войск Сигизмунда Корибута из Чехии. Ягайло решил закончить войну прежде, чем войска Ордена получат подкрепление из Империи. В сентябре 1422 г. у оз. Мельно был подписан мир. По его условиям Орден уступал Польскому королевству часть Куявии с Нешавой и окончательно отказывался от претензий на часть Клайпедского края и Жемайтию, которая по Торуньскому миру 1411 г. принадлежала ВКЛ только до смерти Витовта [38, с. 6—20]. Это была последняя война между Орденом и ВКЛ. Борьба за Жемайтию была завершена. По оценке Г. Ловмяньского, «как Грюнвальд положил конец вооруженной агрессии крестоносцев, так Мельно знаменовало конец его политической агрессии» [26, s. 368].

Мельненское соглашение денонсировало Вроцлавский приговор императора. Однако только он имел право утвердить мирный договор, а это могло произойти лишь после того, как Сигизмунд Корибут покинет Чехию. Зимой 1423 г. он был отозван, Витовт отказался от чешской короны, а Мельненский мир был ратифицирован и одобрен папой. Таким образом, политическая миссия Корибута в Чехии была выполнена, став успешной попыткой воздействия на Империю со стороны Польши и Литвы в борьбе за целостность своих государств.

К середине XV в. в орденском государстве ускорились негативные процессы, приближающие его неизбежный упадок. Дальнейшая история Ордена «представляет собою только зрелище долгой агонии» [10, с. 57]. Катализатором этих процессов стала Грюнвальдская битва. Сохранение Орденом своих владений по условиям Первого Торуньского мира не имело принципиального значения. Важнее было то, что Орден был обязан выплачивать огромные суммы, подрывавшие прусскую экономику, что вызывало острое недовольство в обществе. Основное бремя военных расходов и послевоенных репараций несли города и прусское дворянство, которые в качестве компенсации за финансовые потери требовали прав на участие в управлении государством и автономии. Попытки реформ в этом направлении ни к чему не привели. Слабеющий Орден терял позиции и в папской курии. Само его существование в Пруссии было поставлено под сомнение, поскольку Констанцским собором было принято постановление об отказе от насильственной христианизации. Последний «остров язычества в Европе» — Жемайтия — приняла христианство. Изменились цели и сущность крестовых походов. Теперь они были направлены против христиан — поляков, литвинов, чехов-гуситов. Орден никак не проявил себя в борьбе с агрессией Османской империи. Крестоносная идея

исчерпала себя. «Одряхлевшего льва пинали со всех сторон. По территории Пруссии бродили гуситы и в открытую били рыцарей» [2, с. 153]. Орден слабел и разрушался под воздействием сил, которые существовали внутри его структуры. Главный удар ему нанесли города и сословия Пруссии, заинтересованные в развитии торговли с Польшей через Гданьск.

В феврале 1440 г. на съезде сословий было решено создать Прусский союз, объединивший города и дворянство Пруссии и Поморья, что во многом определило судьбу Ордена. Члены Союза выбрали Совет и создали собственную казну. По существу возникло государство в государстве. Отказавшись повиноваться тевтонским властям, руководители Прусского союза готовили восстание против Ордена. Они начали переговоры с польским королем Казимиром Ягеллончиком (1447—1492) и епископом Краковским Збигневом Олесницким.

Члены Прусского союза осознавали, что не смогут противостоять великому магистру, если дадут ему время собрать армию. В феврале 1454 г. они заявили о выходе из Орденского государства и добровольном переходе под покровительство польского короля Казимира IV [2, с. 153]. Король, воспользовавшись ситуацией, издал акт об инкорпорации Поморья и Пруссии в состав Польского королевства. Приняв присягу от прусских сословий и епископов, он освободил города и дворян от всех повинностей. Ответом Ордена было объявление войны, к которой Казимир не был готов. Недостаток денег не позволял ему набрать новые войска, а сейм не ассигновал достаточных средств на наемников. В этих условиях король был вынужден делать уступки сейму, что и вызвало появление «Нешавских статутов» (1464).

Тринадцатилетняя война с Орденом (1454—1466) велась польской стороной в основном силами наемников, нанятых на деньги бюргерской оппозиции. Прусский союз во главе с Гданьском все свои средства отдал в распоряжение польского короля [56, s. 83]. Однако польские военные акции были единичными и неудачными. Перевес в военных действиях определялся количеством денег у воюющих сторон. Большую роль в войне сыграл гданьский флот, который обеспечивал подвоз военных резервов через орденские порты [39, s. 51].

ВКЛ не принимало прямого участия в войне, но оказывало Польше косвенную поддержку тем, что препятствовало соединению орденских войск в Ливонии с военными силами Ордена в Пруссии. Еще накануне войны (1452), используя сложное положение Польши, ВКЛ удалось вернуть Волынь, ставшую одним из воеводств. В качестве вознаграждения за вступление в войну Казимир обещал присоединить к Литве Клайпедский край, но его усилия были тщетными. Литва осталась нейтральной. В то время как Польша пыталась решить проблему возврата Поморья, Литва стремилась расширить свое влияние в русских землях.

Корона находилась в сложном положении. Активизация западного вектора грозила разрывом союза с ВКЛ и потерей огромных территорий, а развитие экспансии на востоке предвещало поражение на западе. Вероятно, противоречия между Польшей и ВКЛ не позволили разгромить Орден окончательно. Возможно, как и в 1411 г., ликвидация Ордена как противовеса Польше не была выгодна Литве [40, с. 42]. Это отчасти повлияло на компромиссный характер Торуньского мира (1466). По его условиям владения Ордена подверглись разделу. К Польше переходили Поморье с Гданьском, Кульмская земля с Торунем, Эльблёнг и Мариенбург. Эти территории составляли Королевскую Пруссию. Восточная часть Пруссии с Кёнигсбергом осталась за Орденом. Его главой оставался великий магистр, который принес ленную присягу королю Казимиру IV. Однако это обстоятельство делало Второй Торуньский мир сомнительным с точки зрения международного права, поскольку магистр духовного рыцарского ордена был подчинен юрисдикции папы, а Пруссия в 1234 г. навечно была отдана в собственность «наместника святого Петра» [2, с. 158]. Именно поэтому римская курия отказалась признать договор. Кроме того, Орден являлся частью Священной Римской империи германской нации, и его подчинение другому сюзерену исключалось. Поэтому провозглашение ленной зависимости Ордена от Польши носило исключительно декларативный характер и с польской стороны было попыткой выдать желаемое за действительное.

Орденское государство было безжалостно разорено Тринадцатилетней войной, в то время как Польша добилась существенных успехов. Она получила выход к морю и овладела землями, на которые претендовала с XIII в. После заключения Второго Торуньского мира начинается ее бурный экономический рост. Через гданьский порт в Европу потекло дешевое польское зерно, что обеспечивало высокие доходы шляхте и усиление ее позиций в государстве.

Отношения Польши и Ордена, несмотря на подписанный в 1466 г. мирный договор, продолжали оставаться конфликтными. Орденская дипломатия предпринимала усилия, чтобы вернуть утраченные территории. Великий магистр Фридрих Саксонский (1498—1510) в соответствии с запретом императора Максимилиана I (1508—1519) отказался принести ленную присягу королю Яну Ольбрахту (1492—1501). В 1501 г. польские войска подошли к прусским границам, и только смерть короля спасла Орден от очередной войны с Польшей.

В 1510 г. великим магистром был избран родственник бранденбургского курфюрста Альбрехт Гогенцоллерн, состоявший в родстве с Ягеллонами. Он был племянником Сигизмунда I Старого (1506—1548) и правнуком Ягайло. Политическое значение избрания Альбрехта состояло в том, что он, как подчиненный германского императора, мог уклониться от принесения ленной присяги по отношению к своему сюзерену, польскому королю. Кроме того, родственник Ягеллонов, избранный великим магистром, должен был усилить позиции крестоносцев. Продолжая политику своих предшественников, Альбрехт Гогенцоллерн стремился избавить Орден от ленной зависимости и по существу саботировал Торуньский мир.

С конца XV в. в Центральной Европе происходит перегруппировка политических сил, в основе чего лежали династические интересы Габсбургов и Ягеллонов. Кроме Польши и ВКЛ, представители дома Ягеллонов владели Венгерским и Чешским королевствами (1471—1526). Это были Владислав Ягеллон — король Чехии (1471—1516) и Венгрии (1490—1516), а также Людовик Ягеллон — чешский и венгерский король (1516—1526) [41]. Император Максимилиан I, претендуя на венгерскую корону, начал создавать коалицию, направленную против Ягеллонов. В нее должны были войти сам римский император, великий магистр Тевтонского ордена, прусские города, магистр ордена в Ливонии и великий князь Московский. Москве отводилось важное место в союзе. Ее внешнеполитическая программа была направлена и против Польши, и против ВКЛ. Одним из главных пунктов этой программы было получение выхода к Балтике. В результате активных дипломатических акций Максимилиана I заметно ухудшаются отношения Польши и Литвы с Империей и с Москвой, и в то же время происходит сближение Габсбургов с Россией. В 1491 г. Максимилиан I и Иван III заключили наступательно-оборонительный союз против Ягеллонов [42, s. 80—82; 43, с. 260—271].

Король Сигизмунд I (1506—1548) был занят беспрерывными войнами с Москвой, которые шли в конце XV — первой трети XVI в. Эту ситуацию использовал Орден. В 1514 г., когда литовские войска в очередной войне с Москвой тщетно пытались отстоять Смоленск, Альбрехт потребовал от Сигизмунда возвратить территорию Королевской Пруссии и выплатить компенсацию за «пятидесятилетнюю польскую оккупацию» этих земель. Ситуацию обостряли частые грабительские нападения крестоносцев на пограничные польские и литовские земли. Готовясь к войне с Польшей, великий магистр заручился поддержкой России. В феврале 1517 г. Москву посетил прусский посланник Дитрих Шёнберг и от имени Ордена заключил договор с Россией. Он предусматривал финансовую поддержку Ордена в предстоящей войне. Москва выражала готовность предоставить денежный кредит, достаточный для набора 10 тыс. пеших и 2 тыс. конных воинов [44, с. 179]. Некоторые исследователи даже считают, что не Альбрехт Гогенцоллерн, а Василий III был инициатором развязывания войны с Польшей, поскольку он сам находился в состоянии войны с ВКЛ [подробнее см. 45].

В 1519 г. прусский ландтаг и польский вальный сейм приняли решение о начале войны с Орденом. ВКЛ воевало с Москвой и не могло оказать Польше помощи. Это была последняя война Польши и Ордена, так называемая «Война всадников», или «Рыцарская война». Для

рыцарей она была неудачной. Лишь мощные стены Кенигсберга спасли резиденцию гроссмейстера Альбрехта. Обещанные подкрепления из Империи не пришли. Россия, верная договору, через послов помогала деньгами, но это не спасло Орден. В 1521 г. в Торуне было подписано перемирие на четыре года, что влекло разрыв союза с Москвой. Решение польско-орденского конфликта было отдано императору Карлу V (1519—1520) и Людовику Ягеллончику, королю Чехии и Венгрии (1516—1526). Альбрехт Гогенцоллерн остался в изоляции. Помощь Империи влекла за собой включение Ордена в состав ее владений, а отсутствие поддержки неизбежно вело Орден к инкорпорации в Польское королевство.

В ожидании приговора третейского суда Альбрехт Гогенцоллерн уехал в Германию, где тщетно пытался собрать средства для продолжения войны. Там он сблизился с Мартином Лютером и перешел в протестантизм. В 1523 г. Лютер направил послание «К рыцарям Немецкого ордена», которое поддержали не только прусское дворянство и горожане, но и рыцари. В соответствии с протестантскими догматами Альбрехт Бранденбургский должен был осуществить секуляризацию церковной (орденской) собственности, что позволяло избежать финансовой зависимости от Империи. Найденный Альбрехтом баланс сил открывал возможность для включения Восточной Пруссии в состав Польши. В литературе высказано мнение, что решение о переходе Ордена под протекторат Польского королевства было принято Альбрехтом Бранденбургским под давлением польской дипломатии [2, с. 162—163]. Так Тевтонский орден в Пруссии был упразднен, а на его землях возникло светское герцогство Пруссия.

10 апреля 1525 г. в Кракове был подписан акт, согласно которому прусский герцог становился наследственным вассалом польского короля. В герцогстве устанавливалась верховная наследственная власть по мужской линии. В случае смерти Альбрехта и его братьев, а также их прямых наследников земли Пруссии должны были перейти в наследное владение Польской короны [46, s. 236—237]. В то же время прусский герцог располагал определенной самостоятельностью. У него оставалась своя армия и финансы, ландтаг и относительно независимая внешняя политика. Практически не изменилась судебная и административная система.

Упразднение Ордена и вассальное положение Прусского герцогства повлекло разрыв связей с Империей и гнев императора Карла V (1519—1555), что, однако, продолжалось недолго. Отказавшись от попыток стать князем Империи, Альбрехт Бранденбургский получил прощение императора и его защиту от притязаний Польши в будущем. Габсбурги были вынуждены смириться с новой ситуацией, не желая обострения отношений с сюзереном герцога Альбрехта, польским королем, поскольку и к границам Польши, и к владениям Габсбургов приближалась османская угроза. Эмансипация Пруссии была делом времени.

В период правления династии Ягеллонов (1386—1572) внешним показателем их могущества были отношения с Тевтонским орденом. Отчасти поэтому в польской историографии преобладает поверхностное мнение о том, что «Прусская присяга» была великой победой Польского королевства. Однако решение о секуляризации Ордена приобрело в будущем драматическое значение для Польши. Представляется, что для Альбрехта Гогенцоллерна, последнего великого магистра и первого прусского герцога, Краковский договор стал политической акцией, предпринятой для сохранения власти.

Договор имел половинчатый характер. В польской историографии высказано мнение о том, что сохранение Пруссии, даже в статусе вассала, было ошибкой польских правящих кругов. Уже современники этих событий считали, что полякам следовало «разгромить орденское государство, напасть на Бранденбург, нанести ему максимальный урон, а затем оккупировать» [19, s. 236]. Присоединив Поморье, подчинив Пруссию, польская монархия развивала экспансию в восточном направлении. Ее ближайшим объектом являлось ВКЛ. Ликвидация Ордена и наступательная политика Московского государства в Ливонии лишили ВКЛ политического противовеса польской экспансии, что неизбежно вело к Люблинской унии,

инкорпорации и территориальным потерям. Занятая войнами с Москвой, Польша не заметила, как Орден трансформировался в Пруссию. Польский историк Г. Виснер точно заметил, что «проблемы крестоносцев больше нет — родилась проблема прусская» [98]. В Пруссии, объединившейся с Бранденбургом, возник проект раздела Польши, ставший своего рода традицией немецкой дипломатии и реализованный в ходе разделов Польского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М. : Наука, 1977. 199 с.

2. Восточная Пруссия. Калининград : Калининградское книжное издательство, 1996. 538 с.

3. *Christensen E.* The Northern Crusades. London; New York : Penguin, 1998. 287 p.

4. *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. М. : Ладомир, 1997. 384 с.

5. *Caspar E.* Hermann von Saltza und die Gründing des Deutschjrdensstaates in Preußen. Tubingen : Verlag V J. C. B. Mohr Paul Siebecki, 1924. 200 s.

6. *Урбан В.* Тевтонский орден / пер. с англ. П. Румянцева. М. : АСТ : Хранитель, 2007. 416 с.

7. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во Московского университета, 1987. 264 с.

8. *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М. : Юридическая литература, 1980. 559 с.

9. *Ловмяньский Г.* Роль рыцарских орденов в Прибалтике // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М. : Наука, 1974. С. 67—78.

10. *Лависс Э.* Очерки по истории Пруссии. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых. 1915. 331 с.

11. *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. М. : Эксмо, 2010. 320 с.

12. *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей, или правителей польских // Козьма Пражский. Чешская хроника. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Рязань : Александрия. 2009. С. 249—383.

13. *Бречкевич М.* Первые поморские монастыри. Очерк из истории Балтийского Поморья в XII в. Юрьев : Изд-во Бергмана. 1905. 47 с.

14. *Gejsztor A.* Polska a kraje Niemieckie w Średniowieczu // Z dziejów stosunków polsko-niemieckich. Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej. 1964. S. 10—28.

15. *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 2001. 800 с.

16. *Wyrozumski J.* Kazimierz Wielki. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. 1986. 258 s.

17. *Torkarz G.* Zarysy Historii Polski Piastów i Jagiełłonów. Analiza politologiczna. Wrocław : Oficyna Wydawnicza Arboretum. 2007. 267 s.

18. *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет: Вып. II. Кн. 1. М. : Междунар. отношения. 1995. 785 с.

19. *Пашуто В. Т.* Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. : Восточная литература. 1963. 483 с.

20. *Ючас М. А.* Грунвальдская бітва. Вільня : Ін-т беларусістыкі. Беларускае гістарычнае таварыства. 2010. 243 **с.**

21. Codex epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae. 1376—1430. Cóllektus Opera Antoni Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. VI. Cracoviae. Komitet Historyczny Akademii. 1882. CXVII. 1113 p.

22. Skarbiec dyplomatów papiezskich, cezarskich, królewskich, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i dziejów poslugu cych do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i cściennych krajów. Zebrał i w trześći opisał Ignacy Danilowicz. Wilno : Drukarnia A. Kirkora. 1860. T. I. 391 s.; 1862. T. II. 370 s.

23. *Łowmiański. H.* Agresia krzyżacka na Litwę w XIII—XV w. // Przegląd historyczny. Warzawa, 1954. T. XLV. Z. 2—3. S. 338—371.

24. Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535, przez Bernarda z Rachtamowiec Wapowskiego, ze świeżo odkrytego rękopisu, z ęzyku łacińskego na ojczysty przetłumaczył,

przypiskami objaśnił... Mikołaj Malinowski. Wilno : Nakładem i czcionkami T. Glücksberga, księgarza i typografa szkół Białoruskiego naukowego okręgu. T. I, 1847. 491 s.; T. II. 1847. 518 s.; T. III. 1848. 511 s.

25. *Prochaska A.* Szkice historyczne z XV w. Kraków; Warszawa : Nakładem Gebetnera i Wolffa, 1884. 428 s.

26. *Ehrlich L.* Polski wykład prawa wojny XV wieku. Kazanie Stanisiawa ze Skarbimierza «De bellis justis». Warszawa : Wyd-wo Prawnicze, 1955. 268 s.

27. Codex epistolaris saeculi decimi quinti // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantis. T. XII. Collectus opera A. Lewicki. Cracoviae : Edinionem Collegii Historici Acad. Literarum Cracoviensis, 1891. LXXVII. 531 p.

28. *Королюк В. Д.* Историческое значение Грюнвальдской битвы // Краткие сообщения института славяноведения. М., 1961. Вып. 32. С. 72—85.

29. *Возный И. П.* Военное искусство в Куликовской (1380) и Грюнвальдской (1410) битвах (сравнительно-структурный анализ) // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 2. С. 33—45.

30. *Hermanni de Wartberge.* Chronicon Livoniae // Scriptores Rerum Prussicarum. Lipsiae, 1863. T. II. S. 9—178.

31. *Dzialyński T.* Zbiór praw litewskich. Poznań : w drukarni na Garbarach, 1841. 542 s.

32. *Prochaska A.* Sobór w Konstancji. Kraków : Universitas, 1996. 129 s.

33. *Барбашев А.* Витовт. Последние 20 лет княжения. 1410—1430 гг. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова. 1891. 340 с.

34. Dokumenta magistris Johannis Hus: vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas / ed. F. Palacky. Prahae : Sumptibus Friedrich Tempsky, 1869. 768 s.

35. *Данилович И.* Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М. : в Университетской типографии, 1843. Т. I. 367 с.

36. *Biskup M.* Wojna trzynastoletnia i powrót Polski na Baltyk w XV wieku. Kraków : Krajowa Agencja wydawnicza, 1990. 79 s.

37. *Дундулис Б.* Литва и Тринадцатилетняя война между Польшей и Орденом (1454—1466) // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. Серия История. Вильнюс, 1968. Т. IX. С. 123—143.

38. Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec kantora katedralnego Krakowskiego (1480—1535), wydał Dr. J Szujski // Scriptores Rerum Polonicarum. Cracoviae : Typis universitatis, 1874. T. II. 256 s.

39. *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М.: Изд-во Московского университета, 1952. 542 с.

40. *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М. : Мысль, 1972. 451 с.

41. *Norman Davies.* Boże igrysko. Historia Polski. T. I. Kraków : Wydawnictwo Znak, 1998. 680 s.

42. Wiek XVI—XVII w żródłach. Warszawa : PWN, 1999. 519 s.

43. *Wisner H.* Unia: sceny z przeszłosci Polski i Litwy. Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1988. 327 s.

44. *Marceli Kosman.* Polska w drugim tysi leciu. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek. 2007. T. I.

45. Хроника Быховца. М.: Наука. 1966. 153 с.

46. *Halecki O.* Dzieje unii Jagiełłońskiej. T. I. Kraków : Nak. Funduszu Nestora Bucewicza. 1919. 482 s.

47. *Bardach J.* Krewo i Lublin. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVI w. Warszawa : PWN, 1970. 402 s.

48. Псковские летописи. Вып. I. М.; Л. : Изд-во АН СССР. 1941. XIV. 148 с.

49. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Л. : Изд-во АН СССР, 1929. Т. 4. Часть I. 159 с.

50. *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. II. М. : Мысль, 1988. 765 с.

51. Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М. : Наука, 1980. Т. 35. 305 с.

52. *Cieślak E.*, *Biernat G.* Dzieje Gdańska. Gdańsk : Wyd-wo Morskie, 1985. 643 s.

53. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусії і Лівоніі (1367—1398 гг.) // ARCHE 10 (97). Кастрычнік, 2010. С. 39—123.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2011 г.